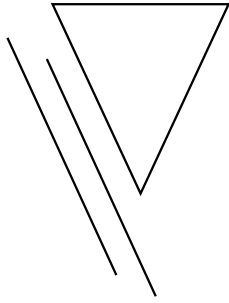

ч — у — ж — и — е

и — г — р — ы

ВАДИМ ПАНОВ
СТОЛКНОВЕНИЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Иллюстрация на переплете *Ирины Косулиной*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Чужие игры. Столкновение / Вадим Панов. —
Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-04-118959-4

Звезда киберспорта, популярный видеоблогер, неординарная художница, талантливый биолог, гениальный математик и просто золотая молодежь... Ими они были на Земле.

А здесь?

На разбитом лунном клипере? Посреди бескрайнего космоса, где статус и деньги не значат ничего.

Катастрофа изменила всё.

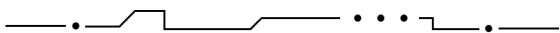
Пришло время разобраться в себе, узнать, кто они на самом деле.

А главное — нужно выжить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118959-4

© Панов В.Ю., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Знаете, с чем труднее всего примириться в космосе?
С тишиной.

С невероятной, оглушающей, невозможной тишиной, ватным одеялом наброшенной на бесконечность. С тишиной, которая поглощает шипение раскаленного газа из двигателя корабля, столкновения астероидов, ядерные взрывы на пылающих звездах — в космосе их можно наблюдать, но невозможно услышать. И мелкие повседневные делишки, и события эпического размаха происходят здесь в полной тишине. Как будто нерадивый режиссер забыл наложить звуковую дорожку, и ты оказываешься в немом кино. Ты не можешь этого принять, ведь ты привык слышать и слушать. Мозг то и дело забывает о том, что звуков нет, и ты начинаешь беспокоиться. Тебе кажется, что оглох, и ты включаешь музыку на полную громкость. Ты пытаешься услышать голос нормального мира, ты открываешь забрало скафандра и полной грудью вдыхаешь убийственный вакуум.

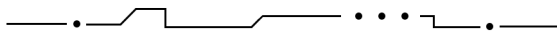
Тишина сводит с ума. Не расстояния, не страх, не одиночество — а тишина.

В тишине разгоняются корабли.

В тишине движутся машины по поверхности Луны.

В тишине космонавты ступают на другие планеты.

И в тишине они умирают...

21.12.2036

CNN: «Тревожные новости из космоса: по непроверенным данным, два часа назад была потеряна связь с лунным клипером «Чайковский»! Мы не располагаем дополнительной информацией, но достоверно известно, что клипер сошел с расчетной траектории...»

РБК: «Анонимный источник из Центра управления полетами сообщает, что через несколько минут после потери связи «Чайковский» резко изменил курс...»

Reuters: «Прошло четыре часа, а русские до сих пор отказываются от официальных комментариев...»

CBS: «Что происходит с «Чайковским»?»

ABC News: «Новейший русский клипер до сих пор не отвечает на вызовы с орбитальной станции «Надежда Илона» и лунной базы «Армстронг». Если верить просочившимся слухам, траектория движения клипера резко поменялась и в настоящий момент он удаляется и от Луны, и от Земли. Напоминаем, что на борту «Чайковского» находится более пятидесяти человек, в том числе — тридцать четыре погрозка, отправившихся на Луну в рамках всемирно известной программы Аллана Райли «Фантастиче-

ское Рождество». Для них это путешествие должно было стать...»

***Euronews:** «Директор Vascoot Inc. Аллан Райли, находящийся в настоящее время на лунной базе «Армстронг», официально подтвердил потерю связи с «Чайковским», но призвал не спешить с выводами: «Мы следим за перемещением клипера и точно знаем, где он находится...»*

• • •

Как же странно просыпаться под чужой голос. Не под «умный» будильник, мягко, словно нежная мама, вынимающий тебя из сна, не под бормотание брата, не под телевизор, который тетя Сильвия включает, едва проснувшись, и он целый день «радует» окружающих новостями, рекламой и сериалами. Не под привычные звуки, а под чужой голос. Безжизненный и почему-то страшный.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, — монотонно повторяла невидимая женщина. — Это не учебная тревога. Покидая клипер, в точности выполняйте требования членов экипажа. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие...

«Почему мне страшно? — подумала Анна. — Почему я боюсь открыть глаза?»

Так бывает: просыпаешься, но продолжаешь делать вид, что спишь, потому что знаешь, что на тебя готово навалиться нечто весьма неприятное. Ты не знаешь, что это, но чувствуешь жуткое ощущение приближающейся беды. И глаза открывать не хочется, потому что веки остаются последней преградой между тобой и реальностью, в которой ты не хочешь оказываться. Между тобой и притаившимся неподалеку злом.

«Почему мне страшно?»

А еще через секунду Анна осознала: «Я чувствую свой вес!»

И эта мысль показалась не только странной, но и необыкновенно важной.

Почему?

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие... — продолжала бубнить невидимая женщина. — Это не учебная тревога...

— Я чувствую свой вес!

«Это сказала я? — удивилась Анна. — Нет, не я. Это сказал какой-то парень...»

Он тоже решил, что этот факт имеет важное значение.

— Вы слышали? Я чувствую свой вес! Тут есть гравитация... Мы... Мы что, на Земле?

— Я тоже чувствую вес! — поддержала невидимого парня невидимая девушка. — Мы спаслись? Нас спасли?

У нее приятный, очень глубокий голос с легкой хрипотцой.

— Что это было? — нервно перебил девушку другой парень, который, судя по дрожи в голосе, пребывал в полной растерянности.

Впрочем, как все они.

«Где я?»

Анна наконец-то решила разорвать последнюю преграду между сном и реальностью, открыла глаза и увидела перед собой спинку кресла.

— Что это было? — громко повторил нервный. — Где мы?

«Хороший вопрос, — подумала девушка. — Интересно, кто его задает?»

— Арнольд, успокойся, ты жив...

— Что это было?! — взвизгнул тот, которого хрипая девушка назвала Арнольдом. — Что это было?! Я хочу знать!

— Козел...

Анна склонила голову вправо, в проход между рядами, и увидела массивного парня с длинными каштановыми волосами, симпатичного, но абсолютно потерянного.

«Арнольд... — тут же подсказала память. — Арнольд Хиллари».

Парень стоял в конце прохода, у двери в кабину управления, и нервно оглядывал первую палубу блуждающим взглядом. Его толстые губы заметно дрожали.

— Что это было?

И Анна поняла, что ей очень хочется услышать ответ на этот вопрос.

Она сидит в своем кресле — 4В, у прохода. Противоперегрузочный кокон отстегнут и убран, ремни безопасности девушка только что отстегнула сама, ее ничто не удерживает, но она тем не менее не улетает, как должна, и чувствует свой вес.

Гравитация.

Откуда в космосе гравитация?

— Что это было?!

— Заткнись! — мрачно велел белобрысый парень, сидящий через проход от Анны, на месте 4С.

«Пятый... Чарльз Фрейзер Пятый...»

— Арни, сядь на место.

— Или заткнись, — добавил первый парень, по-прежнему невидимый, но Анна начала догадываться, кто он.

— Что будем делать? — спросила невидимая девушка с хриплым голосом. — Мы должны покинуть клипер?

— Нужно дождаться кого-нибудь из членов команды.

— Пятый, у тебя кровь на лице.

— Что это было?! — прокричал Хиллари и пнул ногой дверь в кабину управления. — Что это было?!

Что происходит?

Анна закусила губу. И так, она сидит в своем кресле 4В, у прохода, но клипер, судя по всему, никуда не летит... Они уже не в космосе... Девушка подняла голову и убедилась, что права: за прозрачной крышей первой палубы не видно звезд. И не видно Земли, хотя с того момента, как капитан Вавилов совершил «маневр Райли», пассажиры наслаждались великолепной картиной медленно удаляющейся планеты.

Они не в космосе...

Казалось, что великан провел по внешней обшивке клипера консервным ножом — крыша была грубо вскрыта. Разрыв тянулся вдоль левого борта, от переборки, отделяющей первую палубу от кабины управления, вглубь салона. При этом «консервный нож» оказался достаточно длинным и его острое лезвие дотянулось до оказавшихся на пути кресел. До всех кресел «А»...

И Анна похолодела, потому что у первых трех кресел «А» широкие спинки разломаны точно по центру... точнее, разрезаны, как будто по ним и в самом деле с нажимом провели консервным ножом, сокрушая и кресла, и противоперегрузочные коконы, и пассажиров. Анна увидела кровь: на креслах, на полу. Много крови — она с трудом удержала накатившую дурноту. Первые три человека, которые занимали кресла А, погибли. А четвертый...

Четвертым был Артур.

«Артур!»

Нужно повернуть голову, посмотреть, но... Но девушка вцепилась в подлокотник так, что побелели пальцы, закусила губу, вновь закрыла глаза и взмолилась: «Нет! Только не Артур!»

— Что это было? — в очередной раз повторил Арнольд.

— Ты совсем дурак? — отозвалась хриплая. — Ясно же, что мы разбились.

— Это не учебная тревога, — монотонно пробубнил автомат.

— Думаю, нужно уходить, — произнес белобрысый Фрейзер.

— Куда? — саркастически осведомился невидимый парень.

— Какая разница? Нельзя сидеть в креслах вечно и слушать этого идиота.

— Что это было?! — Хиллари врезал кулаком по двери в кабину управления. — Что это было?!

«Артур!» — Анна поняла, что вот-вот разрыдается.

Артур сидел слева... Слева! Он сидел слева, в кресле 4А, а на полу кровь. Лужа крови. На полу под креслом 4А!

«Нет! Пожалуйста, только не Артур! Только не он! Пожалуйста! Только не Артур!»

— Покидая корабль, в точности выполняйте требования членов экипажа, от этого зависит ваша жизнь...

— Я ухожу, — сказала хриплая.

«Диккенс!» — вспомнила Анна ее имя, но сейчас это не имело значения, потому что девушка решила: резко повернула голову, готовая ко всему... и вскрикнула от радости, увидев, что в кресле 4А никого нет.

— Он жив!

Все правильно: брат маленький, ему тринадцать, а выглядит как десятилетний, и поэтому страшный нож его не задел, прошел выше головы, сломал кресло, но брата не задел. Артур испугался и убежал.

— Что это было?

— Артур жив!

На душе стало легко. Так легко, что перестали волновать вопросы «Что случилось?» и «Почему мы не в космосе?». Стало неважным, откуда взялась гравитация и как получилось, что они дышат, хотя корпус

клипера разорван. Все эти вопросы исчезли вместе со страхом за брата, и теперь девушку волновало одно: «Где он?!»

— Артур! — Анна вскочила на ноги, огляделась, увидела открытую дверь в конце салона, вспомнила, что за ней располагается шлюз, и побежала по проходу. — Артур!

И сама не заметила, как оказалась в крепких объятиях преградившего ей дорогу мужчины.

— Не так быстро, мисс Баррингтон, — произнес он. — С вами все в порядке?

— Пустите меня!

— Не раньше чем вы ответите на вопрос.

— Пустите!

— Мисс Баррингтон!

Жесткий официальный тон почему-то подействовал: Анна перестала вырываться, отстранилась и оглядела мужчину. Лет тридцати, невысокий, плотный, но не толстый, и весьма сильный, если судить по крепости объятий. Одет, как и все, в оливковый комбинезон пассажира, с левой стороны груди нашивка: «Нуцци».

— Мисс Баррингтон, пожалуйста, успокойтесь и ответьте: с вами все в порядке?

— Почему вы спрашиваете?

— Я — врач. С вами все в порядке?

— Да.

— Голова кружится?

— Нет.

— Болит?

— Нет.

— Вообще что-нибудь болит?

— Нет.

— Тошнит?

— Нет. — Анна помолчала, после чего уточнила: —

Вы кто?

— Врач, — с улыбкой повторил мужчина. — Вы знаете, где выход?

— Шлюз там, за дверью.

— Все верно. — Он разжал объятия. — Идите к нему, мисс Баррингтон, Вагнер уже сбросил аварийный трап, и вы сможете покинуть клипер.

«Вагнер? Ах да, Вагнер...» Его девушка помнила. Но сейчас ее волновал не Павел, не незнакомец по имени Нуцци, а брат.

— Док, вы видели Артура? Моего брата Артура?

— Мелкий такой?

— Да, маленький. Ему всего тринадцать...

— Вроде он уже вышел.

— Разрешите... — Анна бросилась к дверям.

— Осторожнее на трапе! — крикнул ей вслед Нуцци и повернулся к Арнольду.

— Что здесь произошло? — громко выкрикнул тот и принялся колотить по двери в кабину кулаками. — Что здесь произошло?!

Девушка прошла в шлюз — как же странно ходить по кораблю, предназначенному для полетов в невесомости! — протиснулась в люк и скатилась по трапу. И сразу услышала:

— Осторожно.

Кто-то мягко, но крепко взял Анну за руку и помог подняться на ноги. Молодой мужчина в темно-синем комбинезоне офицера Космического флота, тот самый, который помогал им рассаживаться в креслах... Вагнер!

— Павел!

— Мисс Баррингтон, с вами все в порядке?

— Да.

— Вы видели доктора?

— Да, все в порядке... — пробормотала Анна, но тут же поняла, что ее фраза далека от действительности.

Справа громко плачет маленькая Сандра по прозвищу Конфетка. Баджи пытается ее успокоить, но видно, что сама едва сдерживается. Бродит потерянная Настя, у нее остановившийся взгляд и пластырь на лбу. Видимо, ударились. И, похоже, уже повстречалась с доктором Нуцци. Из клипера появляется Октавия, глаза у нее красные, нос припух, но слезы закончились, и только губы то и дело кривятся так, будто девушка очень хочет вновь разрыдаться, но не может. Мэйсон и Карсон сидят на полу, тесно прижавшись друг к другу. Тихие, как мыши, и потерянные, как Октавия. Справа начинает плакать какая-то девушка, Анна не видит кто, но не поворачивается, потому что девушку утешает какой-то парень. Голос парня дрожит, и именно поэтому Анна не поворачивается: она сама с трудом сдерживает слезы и не хочет «расклеиваться», пока не отыщет брата. Анна не плачет, несмотря на страх и полное непонимание происходящего, несмотря на то, что клипер разбит, а под креслами она видела лужи крови. Анна не плачет. Не сейчас.

По трапу съезжает долговязый Август и сразу направляется к Октавии, за ним — белобрысый Пятый и Диккенс, девушка с хриплым голосом, темноволосая и темнокожая самбо. Следом еще один парень, которого Анна определяет как Бориса.

— Там Хиллари буянит! — крикнула Диккенс.

Но сейчас это неважно.

— Я ищу брата, — сказала Анна, глядя на Вагнера.

— Он здесь. — Павел взял девушку за руку и повел прочь от клипера. — Я за ним присмотрел.

— Спасибо.

— Это моя работа, мисс Баррингтон.

Вагнер, как и доктор Нуцци, невысок, но крепок, силен и очень ловок. Фигурами они с врачом похожи, но Вагнер русоволос и подстрижен очень коротко, по-военному, видимо, согласно требованиям Флота.

А вот брюнет доктор предпочитал модную в этом сезоне стрижку, да к тому же носил короткую, изящную бородку.

— Как вы себя чувствуете, мисс Баррингтон?

— Все в порядке.

— Хотите воды?

— Нет, нет... не сейчас.

— Если что, вы знаете, где меня найти, — улыбнулся Павел.

Девушка хотела ответить, но увидела брата, отпустила крепкую руку кадета и бросилась вперед:

— Артур! — Брат сидел у стены, съезжившись, обхватив руками колени, и молча смотрел перед собой. Он, наверное, не понимал, что происходит, но, к счастью, не раскричался и у него не начался приступ. Он просто сидел. Маленький и одинокий. — Артур!

Анна опустилась перед братом на колени, схватила, прижала к себе и разрыдалась.

— Я так за тебя испугалась!

Прижала крепко-крепко, потом бросилась целовать, потом снова прижала и замерла. Улыбаясь и беззвучно рыдая.

— Мне страшно, — тихо сказал Артур.

— Мне тоже, — не стала лгать девушка.

— Все плачут.

— Скоро перестанут.

— Мне страшно.

— Все будет хорошо. — Анна погладила мальчика по голове, перевела взгляд на Вагнера и спросила: — Что случилось?

— Катастрофа, — коротко произнес тот. — Мы во что-то врезались.

Девушка огляделась — теперь, убедившись, что с Артуром все в порядке, она стала проявлять интерес к происходящему, — потом удивленно подняла брови:

— Павел, во что мы врезались?

И услышала негромкий ответ:

— Поверьте, мисс Баррингтон: мы все хотели бы это знать.

• • •

— «Чайковский», ответьте! «Чайковский», говорит Земля. «Чайковский», если вы меня слышите — ответьте! — Оператор оказался обладателем приятного, хорошо поставленного голоса. Говорил он негромко, но каждое слово произносил с необыкновенной четкостью, а во время пауз напряженно вслушивался в эфир, боясь пропустить даже намек на ответ. В действительности в этом не было необходимости, поскольку все шумы, шуршания, все подозрительные звуки компьютер и записывал, и расшифровывал, определяя источник и происхождение. Компьютер делал основную работу, но оператор все равно вслушивался в эфир так, словно его ухо могло превзойти электронную систему. Вслушивался, потому что беспокоился. Вслушивался, потому что хотел первым услышать, а главное — первым ответить потерявшимся космонавтам. Вслушивался и продолжал размеренно повторять: «Чайковский», ответьте...»

И все сотрудники ЦУПа слышали этот голос. Или знали, что он звучит. И ждали, так же как оператор — с замиранием сердца надеялись, что в эфире прозвучат знакомые голоса. Надеялись на то, что Вавилов и его ребята справились с возникшей проблемой и вот-вот сообщат, что живы, здоровы и «ковыляют к Луне». Или хотя бы просто: живы и здоровы. Гигантский центр, обычно шумный, суетливый, деловой, очень громкий и немного взбалмошный, притих и перестал улыбаться. Людми овладело предчувствие большой беды, но они надеялись на мастерство своих друзей. И прислушивались к размеренным словам, которые

негромко, но очень четко выговаривал оператор хорошо поставленным голосом:

— «Чайковский», говорит Земля, вы меня слышите? «Чайковский», говорит Земля...

Слова улетали в космос, но не возвращались долгожданным ответом. Слова просто пропадали, но их упрямо повторяли вновь и вновь. И будут повторять, пока есть хоть малейшая надежда услышать ответ.

От навалившейся беды космический центр ссутулится, стал тихим, как осенний лес, и появление адмирала Касатонова получилось чем-то сродни землетрясению. Или прибытию бродячего цирка. Только не веселого, а мрачного, встревоженного и озабоченного. Адмирал Касатонов вошел... нет, ворвался в здание подобно финиширующему спринтеру: стремительно, как ветер, а сопровождающие казались не поспевающими за хозяином теньями. Приказ принять на себя командование и, соответственно, ответственность за происходящее адмирал получил непосредственно от президента Емельяновой, первичную информацию ему передали по сети, затем высылали регулярные отчеты, но, оказавшись в здании, Касатонов все равно поинтересовался:

— Есть новости?

И услышал мрачное:

— Никаких. — Руководитель дежурной смены Шутов доложил: — «Чайковский» молчит.

Шутов был невысокого роста, едва поспевал за широко шагающим адмиралом и забавно семенил слева от него. В обычный день его нелепое движение наверняка бы вызывало улыбки, но не сегодня. Сегодня в ЦУПе забыли слово «забавный».

— Прошло шесть часов...

— Да...

— Не перебивайте!

— Да... Извините.

Шутов переживал так, словно в потере связи с «Чайковским» была его вина: он кривил рот, потел и беспрестанно вытирал платком влажную шею. От него дурно пахло, чего Касатонов терпеть не мог, но сейчас адмирал заставил себя не обращать на этот нюанс внимания. Он вошел в кабинет руководителя, остановился у панорамного окна, из которого открывался вид на рабочий зал и гигантский, во всю стену, монитор, помолчал и негромко произнес:

— В отчете было сказано, что после изменения курса «Чайковский» стал... частью чего-то большего. — Касатонов выдержал короткую паузу. — Это дословная цитата.

— Знаю, я лично писал отчет, — ответил Шутов, вновь вытирая шею.

— Что означает это предложение?

— Мы до конца не уверены, обработка данных продолжается, — промямлил Шутов. — Но нам кажется...

— Вы можете называть вещи своими именами?

Адмирал не терпел растерянных подчиненных и готов был сорваться, но к счастью то ли для Шутова, то ли для него, оператор доложил:

— На связи мистер Райли.

И на настольном мониторе появилось изображение директора Vascoom Inc. Поскольку разговор ожидался конфиденциальный, связь установили с терминалом руководителя смены, и под взглядом Касатонова кабинет покинули все, у кого не было наивысшего допуска.

— Адмирал, — склонил голову Райли.

— Аллан, — кивнул в ответ Касатонов.

И отметил про себя, что директор Vascoom Inc. выглядит с привычным блеском: идеально уложенные волосы, легкий загар, со вкусом подобранная одежда. Именно одежда, а не рабочий комбинезон, несмотря на то, что в настоящий момент Аллан пребывал на Лу-

не. В повседневной жизни Райли был столь же красив и привлекателен, как и на рекламных плакатах, но Касатонов знал, что блестящая внешность маскирует холодного, расчетливого бизнесмена.

— Есть новости? — осведомился адмирал.

— К сожалению, нет, Алекс, — вздохнул Райли. — «Чайковский» молчит и продолжает движение по новой траектории.

— Прочь от Луны?

— И от Луны, и от Земли.

— Мы можем его догнать?

— Я готовлю клипер и, если «Чайковский» не изменит курс и скорость, смогу его перехватить.

— Хорошо... — Касатонов уселся в кресло напротив монитора и нервно побарабанил пальцами по столешнице. — Аллан, я как раз спрашивал Шутова, что означает фраза «стал частью чего-то большего». Вы способны объяснить ее смысл?

— Радар показывает, что после изменения курса масса «Чайковского» резко выросла, — тут же ответил Райли. — То есть появился еще один объект, и мы предполагаем, что произошло столкновение...

— Лунный клипер разбился?

— Давайте надеяться на лучшее, — предложил после короткой паузы Райли. — Нам известно, что «Чайковский» столкнулся с чем-то...

— С чем?

— Скорее всего, с астероидом, но данные радара противоречивы.

Касатонов повернулся к Шутову, прищурился и очень холодно осведомился:

— Вы пропустили астероид?

— Космос огромен, — пролепетал тот.

— Вы пропустили астероид на нашей единственной космической трассе? Не засекали объект, способный врезаться в клипер? Чем вы здесь вообще занимались?

Шутов покраснел и шумно икнул, вызвав у адмирала презрительную усмешку, а у Райли — глубокий вздох. Касатонов уже хотел выгнать начальника смены из кабинета, как из-за его спины вынырнул худой мужчина в свободной одежде — джинсы и футболка — и толстых старомодных очках.

— Извините, товарищ адмирал, руководитель смены как раз собирался сообщить, что непосредственно перед столкновением произошло возмущение энергетического поля...

— Вы кто? — поднял брови адмирал.

— Фэн, — ответил мужчина, поправляя очки. — Заместитель начальника смены... у меня есть допуск... очень приятно.

То ли он издевался, то ли смутился настолько, что позабыл, как следует себя вести со старшим офицером. Поразмыслив, Касатонов решил принять вторую версию и сухо осведомился:

— О чем вы хотели сообщить?

— Непосредственно перед столкновением мы зафиксировали странные помехи...

— Мы тоже, — подтвердил Аллан. — И приняли их за последствия солнечной вспышки.

— Нет, — покачал головой Фэн. — Они похожи на помехи от солнечного ветра, но...

— Мистер Фэн, у вас есть серьезные основания вступать в спор с мистером Райли и ставить под сомнения выводы его специалистов?

Фэн жалобно посмотрел на Шутова, точнее, на то, как тот нервно вытирает шею, понял, что поддержки не дождется, и тихо ответил:

— Нет.

— Спасибо. — Касатонов демонстративно отвернулся к монитору, давая понять Шутову и Фэну, что разговор с ними пока окончен, и негромко спросил: — Шесть часов тишины... Аллан, надежда есть?